

Dankanich A.S., PhD in philosophical science, associate professor, Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Ukraine, Dnipro), artem_dankanich@yahoo.com

An existential christology of Paul Tillich

Abstract. *It is widely known that Paul Tillich depended on German Idealism. He had particular concern in philosophy I.Kant, J. Fichte, F.Schelling and G.Hegel. According to Paul Tillich, he took from Kant understanding that the human mind is limited to the categories of time and space, of causality and substance, and cannot go beyond these boundary lines. For this reason, Kant's philosophy has contributed to the establishment to Tillich's understanding of existentialism. Philosophy of J.Fichte is the source of Tillich's philosophy of religion and methodology. F.Shelling's later philosophy is another source of his existential philosophy. G.Hegel's philosophy is a root and shape for his philosophical and theological system. In all respects, all representatives of German Idealism have had a noticeable impact on Paul Tillich philosophy.*

Keywords: *German Idealism, doctrine, impact, source.*

УДК 14

Григоришин С. В.,

кандидат философских наук,
доцент кафедры археологии, истории
Древнего Мира и Средних Веков,
Институт истории и политических наук,
Тюменский государственный университет
(Тюмень, РФ), E-mail: visnukdnu@i.ua

Шутов С.,

студент 2 курса,
Институт истории и политических наук,
Тюменский государственный университет
(Тюмень, РФ), E-mail: visnukdnu@i.ua

СВОЕОБРАЗИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТОЛКОВАНИИ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

*От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен восставшего Китая
Собрали тьмы своих полков.*

*Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.
В. С. Соловьёв.*

Аннотация. *Владимир Сергеевич Соловьёв, знаменитый русский философ, ещё в 1890 году в статье о Китае «Китай и Европа» высказал интересную мысль, которая была проверена временем. Несмотря на то, что современный нам Китай в экономическом и политическом планах существенно отличается от современного Соловьёву Китая, всё же некоторые принципы жизни народа Китая являются неизменными. Речь идет о китайской культуре и канонической традиционной литературе. Характерная особенность, пронизывающая Китай прошлого и Китай современный, заключается в том, что, несомненно, главная роль отдаётся сильному государству и сплочённому народу, в то же время эгоистичному к внешнему миру. Этот принцип китайской жизни является, наверное, главным. В данной статье путём использования историко-сравнительного и герменевтического методы рассматривается интерпретация Вл. Соловьёвым текстов и обычаев древнего Китая в контексте философии «всеединства», а также влияние традиционной древнекитайской литературы на историю социально-бытовых отношений, изложенное в трудах С. Георгиевского, на которые опирался Вл. Соловьёв.*

Ключевые слова: Китай, Даосизм, Конфуцианство, Буддизм, В. С. Соловьёв.

В современный период мировой истории трудно не обращать внимание на глобальные центры политического и экономического влияния, ещё сложнее обходить стороной государства, которые по сути их представляют – такие, как Китай, например. Источники политического и экономического могущества Китая, который в XX веке вырос из региональной державы в мировую, изучаются и сегодня. Китайская модель развития часто ставится в пример политиками, но не всегда эксперты отвлекаются на причины, которые лежат в плоскости культурно-социальных отношений. Не всегда считают достойным внимания проблемы культуры и привычек, которые, вполне возможно, могли быть как фундаментом, на котором было построено могущество этой страны, так и противоречие внутри этого фундамента могло породить нечто новое в обществе.

Даже сегодня, если отвлечься от буквального прочтения, призыв Вл. Соловьёва к тому, чтобы дать Китаю «полную истину христианства» звучит интересной идеей. И если поставить на место той или иной духовной доктрины то, что Вл. Соловьёв отождествлял с ними, то возникает действительно интересный вопрос: может ли Европейская культура дать реальный прогресс консервативному Китаю, но в тоже время, чтобы Китай не поглотил этот Европейский мир? Или это будет только очередная версия европоцентризма?

В истории философии существует важная полемика между Данилевским, который отстаивал концепцию культурно-исторических типов, и Соловьёвым, чьи взгляды выражались в представлении о Дальнем Востоке, как о совершенно отличной от всего остального мира цивилизации. Конфликт начался с критики Данилевским полярного мировоззрения Вл. Соловьёва и излишней симметричности его мышления, что выражалось в противопоставлении Запада и Востока. Вл. Соловьёв отводит Востоку роль подчинения «человека во всем сверхчеловеческой силе, а за характеристику запада – самодеятельность человека» [3, с. 674]. «Но ни один народ в мире не заботился и не заботится менее о сверхъестественной силе как та треть человечества, которая живет в Китае, как раз на самом настоящем востоке», – возражает Данилевский [3, с. 674]. Апогеем этой полемики, наверное, стала статья Вл. Соловьёва «Китай и Европа». Эта статья была написана им вскоре после праздника столетия великой французской революции, в значительной степени под впечатлением от китайского атташе на нём, который выделялся из всех других гостей разных национальностей. В статье Вл. Соловьёв выделяет Китайский идеал, опираясь на «принципы жизни китайцев», описанные в одноимённой книге китаеведом С. Георгиевским. Надо отметить, что он также пользовался иностранными (европейскими) переводами канонической китайской литературы и опирался на европейских авторов. В процессе спора уже с наследниками идей Данилевского Вл. Соловьёв менял позицию по Японии, но оставался весьма последовательным в отношении Китая [6, с. 41].

Вл. Соловьёв в своей философии выделяет главным такое понятие как «София». София для Соловьёва – это множество в едином Боге, иными словами, положительное всеединство. Но, по Вл. Соловьёву, всеединство может быть как положительным, так и отрицательным, что важно понимать, когда говорится о восприятии Вл. Соловьёвым Китая. «Дурное единство есть пустота и небытие: истинное есть бытие единое, все в себе заключающее... Единство истинное, не противоположающее себя множественности, не исключющее ее, но, в спокойном обладании присущим ему превосходствам, господствующее над своей противоположностью и подчиняющее ее своим законам» [7]. Соловьёв, говоря о материальном мире, выделяет самый настоящий, уже свершившийся синтез, данный Европе христианством, некоторое соединение несоединимого, которое и выражается мудростью. Для Европы это соединение традиции и прогресса. И этого явно нет у Китая. Однако он предполагал, что в ближайшее время всеединство может во-

плотить в реальность именно Китай. Если Европа пойдёт на культурный контакт с Китаем, то оно будет настоящим, если нет – ложным. И тогда эта страна будет угрожать не только физическим, но и духовным порабощением европейской цивилизации.

В статье «Китай и Европа» Вл. Соловьёв выделяет китайский идеал. А именно, противоречие конфуцианства и Дао как фундаментальных понятий. Он уважительно и чрезвычайно трепетно относится к Конфуцианству, хвалит его. Оно смогло законсервировать их традиции и сохранить китайское государство, вобрав в него и другие народы. Однако Соловьёв считает, что конфуцианство ничего не дало внешнему миру. Китай так и остался страной, где правит традиция и нет прогресса. Но для своего времени конфуцианство было идеей революционной, и прошло много лет, прежде чем легизм, лежавший тяжким бременем жестокости законов и правительства, пришедшего из народа, сменился конфуцианством. В основе конфуцианства лежат пять постоянств праведного человека: Жэнь, И, Ли, Чжи, Синь. И хотя, по сути, они равнозначны, а точнее не полны одно без другого, например, Ли без Синь (ритуал без искренности) Соловьёв всё же выделяет Ли как основополагающий момент конфуцианства, ведь не только теория Конфуция, но и весь Китай строится на традиции, ритуале. Лао-Цзы видит в традиции тоже важнейшую составляющую китайского духа, но почему тогда он не принял идей самого Конфуция? Соловьёв отвечает на этот вопрос, раскрывая глубокий философский потенциал понятия Дао. «Лао-Цзы, как мы знаем, разумел под тао абсолютное безразличие всего, или всеобщее начало бытия в состоянии чистой потенции, не проявленное и не действующее. «Если вы, – обращается Лао-Цзы к государственным людям, – если вы откажетесь от мудрости и бросите благоразумие, то народ станет во сто раз счастливее; если вы откажетесь от человеколюбия и бросите справедливость, то народ вернется к сыновнему благочестию и к родительской любви; если вы откажетесь от умения и бросите приобретение, в народе исчезнут воры и разбойники» [8, с. 121–122]. Казалось бы, такой нигилизм не может привести к какому-то положительному результату, однако Соловьёв подчеркивает, что для Лао-Цзы китайская традиция, основанная на культе прошедшего, базируется на мысли о первоначальном безразличии, то есть полном отсутствии прогресса и не отступлении от канона жизни. Но Соловьёв находит нужные слова этого мыслителя, чтобы доказать, что идея Лао-Цзы и его учеников была прогрессивной. «Когда люди потеряли тао, они приобрели добродетель; потеряв добродетель, они приобрели человеколюбие; потеряв человеколюбие, приобрели справедливость; потеряв справедливость, приобрели вежливость; теряя вежливость, приобретают насилие» [8, с. 122]. Таким образом, со слов Лао-Цзы мы можем понять, что развитие ведёт к насилию. Но Лао-Цзы предлагает китайцам не насильственный и благополучный путь, достигающийся за счёт отрицания всего, однако понятно, что этот путь невозможен. И Соловьёв как раз считает, что Лао-Цзы обнажил несостоятельность данного пути своим учением. «Прямолинейное и безусловно последовательное проведение какого-нибудь принципа, хотя бы своего собственного китайского, вовсе не в духе китайцев. Но также не в их духе было бы и отказаться от своего основного начала – культа прошедшего, ради его внутренней неистинности» [8, с. 122]. И, по мнению Соловьёва, результатом этого противоречия явился компромисс в виде конфуцианства. Конфуцианство для своего времени было достаточно серьёзной новацией в идеологии и лишь через века заняло место легизма. Конфуцианство, действительно, опирается на традицию, но при этом утверждает такие ценности, как И и Синь (справедливость и искренность), которые должны быть, чтобы ритуал не стал профанацией. И что может прийти в итоге на место вполне справедливых порядков легизма, когда даже человек из народа мог прийти к власти? Возведение во власть достойнейших – один из самых главных принципов жизни китайцев.

Конфуцианством этот вопрос решён достаточно хорошо, а именно, с помощью возведения культа сыновнего благочестия в государственный ранг. Соловьёв раскрывает это явление в работах синолога XIX века Георгиевского. Соловьёв верно подмечает, что основной формой социальной жизни является семья, а она, в свою очередь, в китайском народе основывается на принципе сыновнего благочестия. В книге Лунь Юй (Соловьёв пользовался переводом Ж. П. Г. Потье) он приводит пример компромисса и в вопросе сыновнего благочестия. Конфуций считает, что надо поклоняться умершим родителям так, как будто они присутствовали перед сыновьями. Ведь, если сказать, что они живут в вечности, то это приведёт к огромным затратам для осуществления культа предков, а если сказать, что после смерти нет жизни, то тогда некоторые вообще не будут о них заботиться. Сыновнее благочестие приобреталось служением умершему отцу 3 года. Он должен был соблюдать заветы отца и не отходить от типичного образа мыслей и действий покойника. Для наглядного и более живого представления Вл. Соловьёв включает в статью драму «Пи-па-цзи», взятую из сочинения Георгиевского. В представленном им фрагменте отец ведёт разговор с сыном о сыновнем благочестии. Сын говорит о формальном почтении и помощи престарелым родителям, но отец замечает, что есть три степени сыновнего благочестия. «Первая степень сыновнего благочестия требует служения родителям, вторая – служения государю, третья – достижения высокого сана». Сын выражает своими словами канон отцепочтения описанный в «Ли-цзи», а отец излагает более практичные принципы, написанные в «Сяо-цзин» [2, с. 399–401], памятнике более поздней конфуцианской литературы. Можно добавить, что Георгиевский высоко ставит влияние конфуцианской идеологии на общество, но роль государства, которое поощряет за исполнение принципов сыновнего благочестия и наказывает, если принцип этот нарушается, ставит ещё выше. В пример он приводит законы из свода – Да-цин-люй-ли, созданного в правление династии Цин. Эти законы поощряют благочестивых сыновей и дочерей, смягчают наказание единственному сыну (совершеннолетнему с 16 лет) старых или немощных родителей, не исключают кровной мести за родителей и родителей отца. Однако если сын или дочь бьют, сквернословят или выдвигают ложное обвинение против родителей, то они подвергаются смертной казни, а даже если обвинение было правдиво, то караются 100 ударами и ссылкой длиной в 3 года в том случае, когда не винят себя за это. И другие преступления тоже наказываются достаточно сурово. Но иногда бывает, что наказание бывает куда суровее. Георгиевский приводит пример, когда наказание исходит уже от самого императора. При императоре Цзя-цине (1796–1821 г.) муж в согласии со своею женою убил свою мать. Из провинции императору донесли об этом происшествии в Пекин, и государь, считая наказание недостаточно сильным, издал эдикт. «Место, где случилось происшествие, проклясть и отвести под дорогу; обоих виновных подвергнуть смертной казни; мать жены — преступницы наказать палочными ударами; студентов округа, где случилось убийство в течение трёх лет не допускать до экзаменов; чиновников округа лишить должностей и выслать: дом, в котором жили преступники, разрушить до основания» [2, с. 442]. Уголовная система имела чёткий порядок в плане убийства родственников, который всегда был в пользу родителей. Наиболее тяжким преступлением было убийство родных или приёмных родителей, деда или бабки, как мы видим выше; менее тяжким было, например, убийство дяди, тети, старшего брата, однако, при определенных условиях, убийство детей и внуков могло остаться безнаказанным. [5, с. 22]. Также Георгиевский отмечает, что отступление от сыновнего благочестия в народе не раз становилось достоянием общественности. «Если мы примем во внимание, что цензорские доклады не остаются в тайне, но путём печати доводятся до всеобщего сведения, то для нас станет ясным, насколько всякого китайца должна пугать даже мысль о неисполнении обязанностей сыновнего благочестия, влекущем за

собою столь суровую кару законов». Соловьёв обращает внимание на рассуждения Георгиевского о китайском альтруизме, а точнее о том, что китайцам чужд «крайний альтруизм». Так как всё строится на почитании родителей, то и система социальных отношений начинается с любви к родителям, по Георгиевскому. «Конфуцианство подводит отношения человека к людям под пять категорий: отношения человека к его отцу, к братьям (и другим родственникам), к жене, к друзьям (под которыми разумеются первее всего члены одного общества, компании, цеха и т.п.), к государю (как представителю государства)» [2, с. 456]. Георгиевский считает, что универсальной любви (как в христианстве) у китайцев нет. Ведь чтобы так любить, следовало бы пренебречь уже выработанной моделью социальных отношений. «Китайцу непонятна возможность считать всех людей своими братьями и любить их, как самого себя, непонятна также возможность признавать за всеми людьми человеческое достоинство; под человеком он разумеет только культурного, социального человека и относится к индивидуумам, утратившим свои человеческие качества и вышедшим из социального строя (преступникам, нищим и т.п.), не иначе как к животным, притом же вредным». Это вдвойне укрепляет идеи сыновнего благочестия. Возвращаясь к пяти постоянствам праведного человека, возьмём цитату, из Ли-цзи, которую выделяет С. Георгиевский как свидетельство «авторитетного китайца» (Конфуция) об управлении государством. «Когда народ с радостью встречает правительственные приказания — это называется согласием; когда высшие и низшие проникнуты взаимной любовью — это называется человеколюбием; когда народ не прося получает то, что ему нужно, — это называется искренностью; когда народ не выставляет причиной своих несчастий небо (т.е. дурную погоду) и землю (т.е. неурожай), то это называется справедливостью. Без согласия, человеколюбия, искренности и справедливости управление государством не может быть правильно» [1, с. 114–115]. Но для того, чтобы четыре постоянства регулировать, нужно самое важное из пяти – ли, которое считал главным Вл. Соловьёв. И все семейно-брачные отношения строятся, в первую, очередь на ритуале. Здесь и сходятся мысли Георгиевского и Соловьёва о том, что исходный пункт учения великого философа стал для Китая основой семейного права и в то же время служил основой государственному и общественному строю. «Брак, – говорится в ли-цзи, – заключается для того, чтобы человеку быть в состоянии правильно служить усопшим предкам и продолжать свой род» [2, с. 121]. Соловьёв резюмирует выводы С. Георгиевского. «Мы видели, что религиозный принцип семейной жизни и государственного строя в Китае один и тот же: культ прошедшего, обоготворение умерших. Как частная семья поклоняется своему прошлому в лице домашних предков, так всекитайская семья Срединного Царства боготворит свое национально-государственное прошлое в культе неба или «ста духов»».

Итак, Соловьёв пишет, что китайский идеал имеет три факта. Это то, что Китай сохранил стойкость государства. Второй факт заключается в отсутствии прогресса у китайцев и бесполезности для мира их идеологии. Но третий факт особенный. «Другие обращаются к более духовным средствам, которые им предлагают служители двух мистических религий – даосизма и буддизма – чуждых собственно китайского, т.е. конфуцианского идеала. Это искание Китайцами других путей жизни в стороне от их официальной, национально-государственной религии и есть тот третий, общий факт, который свидетельствует против китайского идеала и вместе с тем в пользу самих Китайцев» [8, с. 140]. Однако официальная идеология не дала даосизму и буддизму завладеть умами китайцев, многие идеи этих религий были сведены лишь к эзотерической к практике. Соловьёв сравнивает то, что осталось от Дао и буддизма в современном ему мире, с учением Шакьямуни, изложенным в Трипитаке и Лао-Цзы в Дао-де-Цзин. Сравнение в пользу полезности последних, разумеется. Современные ему мистические практики с точки зрения Вл. Соловьёва – это лишь пустая трата потенциала, который народ мог

вложить в развитие учений даосизма и буддизма. Таким образом, цепочка из трёх фактов китайского идеала замыкается на том, что китайский идеал истинен лишь в исходной точке – культе прошедшего.

Вл. Соловьёв считал, что нужно не отталкивать Китай, а принять его, но при условии, что Европа обратится к «полной истине» христианства. «Мы, Европейцы, должны предложить Китаю не отрицание, а исполнение его жизненного начала. Неустанный прогресс, как средство действительного служения предкам, непрерывное стремление к идеальному будущему, как настоящий путь для воскрешения минувшего – вот истинное, внутреннее примирение двух крайних культур» [8, с. 146–147]. Но написание этой статьи стало ответом на декрет Императора о создании железной дороги и сегодня мы наблюдаем то, что Соловьёв предсказал уже более 100 лет назад. «Но все эти опасности частного и мирного нашествия желтой расы ничтожны в сравнении с предстоящим развитием государственного и военного могущества Срединной Империи вследствие усвоения китайцами всех новейших усовершенствований европейской техники» [8, с. 96]. Неудивительно, что философ смог предсказать такой ход событий. Но, гораздо важнее, смог ли он определить действительную причину китайского успеха. Надо заметить, что интерес к позиции философа по Китаю до сих пор не исчез, несмотря на то, что позиция Вл. Соловьёва менялась. Его анализ был весьма насыщен и проявляется во всей его творческой деятельности. Вл. Соловьёв также описал идею возмездия Европе объединившихся азиатских стран в «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900). Для описания этой идеи он использовал термин «панмонголизм», который отсылает нас к стихотворению, написанному в 1894 году. Помимо художественной ценности оно имеет и историческую. Разница между поздней и более ранней редакцией стихотворения о панмонголизме, подчёркиваемая исследователями, очень велика [4]. Она заключается в существенной разнице ранней и поздней версии: «У стен восставшего (поникшего – более поздняя версия) Китая». Во время Японо-китайской войны главным противником Европы Соловьёв стал считать Японию. Но в итоге он оставил эту роль Китаю [9]. Хотя и перешёл к идее панмонголизма, т.е. всеобщего объединения Дальнего Востока.

Со времени жизни и творчества Вл. Соловьёва прошло целое столетие, Китай кардинально поменялся и уже вряд ли завоюет мир своей религией, как считал Соловьёв, но экономически сегодня Китай очень силён во многом благодаря образу жизни китайцев и их традициям. Но Вл. Соловьёв знал о том, что Китай будет мощной страной ещё задолго до действительного роста Китая. Основания так думать дало ему изучение самобытной Китайской культуры. И, как сказано, выше на счёт Японии он ошибся, сегодня Япония при своеобразии культуры всё же интегрирована в западный мир. А вот Китай смог впитать западные технологии, при этом оставаясь таким же самобытным государством. Вл. Соловьёв и С. Георгиевский в своих исследованиях имели разные цели и, конечно, не пришли к одинаковому результату, но оба обратили внимание именно на силу китайских традиций. Вл. Соловьёв, пересмотрев всё же свои первоначальные взгляды в споре с Н. Я. Данилевским, смог отстоять значительную часть своей теории [6]. Китай и вправду построен на покорности, но не перед «сверхчеловеческой» силой. Однако традиции отцепочтения и трепетного уважения к императору, ответственности на посту чиновника и многие другие берут начало в древних и даже мифических китайских текстах. Тот основной принцип китайской жизни, который выделяет Вл. Соловьёв, как противоречие прогрессу, заключается в мечтах китайцев о прошедшем. Именно конфуцианская традиция смогла обратиться к силе государства для обретения стойкости, которая смогла даже пронести китайскую традицию через все препятствия истории, такие, казалось бы, непроходимые, как, например, захват власти иноземной династией. Но – конфуцианство это всего лишь форма,

за которой скрываются принципы китайской жизни. Китай смог пронести через эпоху преобразований свои главные традиционные ценности, и сегодня они всё больше поддерживаются и возрождаются государством, после ущербной для них политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Сегодня нет такого серьёзного поклонения духам предков как раньше, но сами принципы жизни Китая, которые произрастают из поклонения духам, а именно – семья, ритуал, государственность, существуют и сегодня. Мы видим педантичный и заботящийся о благополучии китайский народ, семья не была разрушена до конца коммунистической идеологией и теперь возрождается. Благодаря этим принципам Китай сегодня превратился в прогрессивную страну, не потеряв традицию. В то время как западный мир всё больше гонится за прогрессом ради самого прогресса. «Чем более в длинном ряде веков конфуцианство овладевало умами китайцев, тем последние глубже проникались желанием видеть завещанный идеал осуществляемым в образе народа хорошо организованного, народа богатого, высоконравственного, просвещённого. Золотой век Шуня – это не фактическое прошедшее, а идеальное будущее Китая» [1, с. 117]. Так заканчивает одну из своих книг С. Георгиевский, которая вышла в свет почти через два года после смерти Вл. Соловьёва. И С. Георгиевский ещё раз подтвердил то, что в основе жизни Китая представления лежит мечта о золотом веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Георгиевский С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев. – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1892. – 118 с.
2. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. – СПб: А.Я. Панафидин, 1888. – 494 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
4. Кобзев А. И., Сербиненко В. В. Из наследия русского философа Вл. Соловьёва // Проблемы Дальнего Востока. – М. Прогресс. 1990, – № 2, С. 182 – 187.
5. Пивоваров Н. Д. Источники древнекитайского права // Актуальные проблемы российского права, 2015, № 3, С. 15–23.
6. Сербиненко В. В. Спор о Китае: Вл. Соловьёв и Н. Данилевский // Тетради по консерватизму, 2015, 2(5), С. 39–48.
7. Соловьёв В. С. Россия и вселенская церковь. – Москва: Путь, 1911. – 451 с.
8. Соловьёв В. С. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 6. – С. 93–150.
9. Соловьёв В. С. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 10. – С. 84–137.
10. Фелер В. Европа или Китай, – URL: http://samlib.ru/f/feller_wiktor_walentinowich/europe_china.shtml (Дата обращения 5.06.2017)

REFERENCES:

1. Georgievskiy S. M. Mificheskie vozzreniya i mify kitaytsev [Mythical beliefs and myths of the Chinese]. – Sankt-Peterburg: tip. I.N. Skorokhodova, 1892. – 118 s.
2. Georgievskiy S. M. Printsipy zhizni Kitaya [The principles of Chinese life]. – SPb: A.Ya. Panafidin, 1888. – 494 s.
3. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. – M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008. – 816 s.
4. Kobzev A. I., Serbinenko V. V. Iz naslediya russkogo filosofa Vl. Solov'eva [From the heritage of the Russian philosopher Vladimir Solovyov] // Problemy Dal'nego Vostoka. – M. Progress. 1990, – № 2, С. 182 – 187.
5. Pivovarov N. D. Istochniki drevnekitayskogo prava [Sources of the ancient Chinese law] // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava, 2015, № 3, S. 15–23.
6. Serbinenko V. V. Spor o Kitae: Vl. Solov'ev i N. Danilevskiy [The Debate about China: Vladimir Solovyov and Nikolai Danilevsky] // Tetradi po konservatizmu, 2015, 2(5), С. 39–48.
7. Solov'ev V. S. Rossiya i vselenskaya tserkov' [[Russia and the universal church]]. – Moskva: Put', 1911. – 451 s.
8. Solov'ev V. S. Sobr. soch. 2-e izd [Collected works]. – Т. 6. – S. 93–150.
9. Solov'ev V. S. Sobr. soch. 2-e izd [Collected works]. – Т. 10. – S. 84–137.
10. Feler V. Evropa ili Kitay [Russia or Europe], – URL: http://samlib.ru/f/feller_wiktor_walentinowich/europe_china.shtml (Accessed 5.06.2017)

Григоришин С. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри археології, історії Стародавнього Світу та Середніх Віків, Інститут історії та політичних наук, Тюменський державний університет (Тюмень, РФ), E-mail: visnukdnu@i.ua

Шутов С., студент 2 курсу, Інститут історії та політичних наук, Тюменський державний університет (Тюмень, РФ), E-mail: visnukdnu@i.ua

Своєрідність китайської культури у тлумаченні Володимира Соловйова

Анотація. Володимир Сергійович Соловйов, відомий російський філософ, ще в 1890 році в статті про Китай «Китай і Європа» висловив цікаву думку, яка була перевірена часом. Незважаючи на те, що сучасний нам Китай в економічному і політичному планах істотно відрізняється від сучасного Соловйову Китаю, все-таки деякі принципи життя народу Китаю є незмінними. Йдеться про китайську культуру і традиційну канонічну літературу. Характерна риса, що пронизує Китай минулого і сучасний Китай, полягає в тому, що, безсумнівно, головна роль віддається сильній державі і згуртованому народові, в той же час егоїстичному до зовнішнього світу. Цей принцип китайського життя є, мабуть, головним. У даній статті шляхом використання історико-порівняльного та герменевтичного методів розглядається інтерпретація Вл. Соловйовим текстів і звичаїв стародавнього Китаю в контексті філософії «всеедності», а також вплив традиційної старокитайської літератури на історію соціально-побутових відносин, викладених в працях С. Георгіївського, на які спирався Вл. Соловйов.

Ключові слова: Китай, Даосизм, Конфуціанство, Буддизм, В. С. Соловйов.

Grigorishin S., PhD in philosophical sciences, associate professor of the Department of archaeology, Ancient history and Middle Ages, Institute of history and political science, Tyumen state University (Tyumen, Russia), E-mail: visnukdnu@i.ua

Shutov S., 2nd year student, Institute of history and political science, Tyumen state University (Tyumen, Russia), E-mail: visnukdnu@i.ua

The uniqueness of Chinese culture in the interpretation of Vladimir Solovyov

Abstract. V. S. Solovyov, a famous Russian philosopher said out interesting ideas about China in his article as long ago as in 1890. This article was called «China and Europe». His ideas have been verified with the time. Solovyev's ideas were about the main principles of Chinese people's life. He wrote about Chinese culture and traditional canonical literature. Of course, nowadays China differs greatly from that of Soloviev's time in economy, policy. But the main principles are unchangeable: first of all the leading role is always given to the strong state power. This makes the country independent and separated from the world even egoistical. This may be the main principle of Chinese people's life. Trying to comment this article we have used comparative-historical and hermeneutical methods. V. Solovyov scrutinized thoroughly texts and customs of ancient China according to his syncretic theory. Writing about the influence of traditional Chinese ancient literature on the history of social and domestic relations V. Solovyov refers to Georgievsky's works.

Keywords: China, Taoism, Confucianism, Buddhism, V. S. Solovyov.

УДК 378.147.88

Муслим Хатам оглы Назаров,
доктор философии по педагогике,
заведующий кафедрой искусства, технологии,
гражданской обороны и физического воспитания
Бакинского института повышения квалификации и
переподготовки педагогических кадров
(Баку, Азербайджан), E-mail: visnukdnu@i.ua

СТРАТЕГИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В статье, посвященной анализу интернационализации высшего образования как одного из важнейших факторов, определяющих конкурентоспособность современных вузов, рассматривается соотношение понятий «глобализация» и «интернацио-